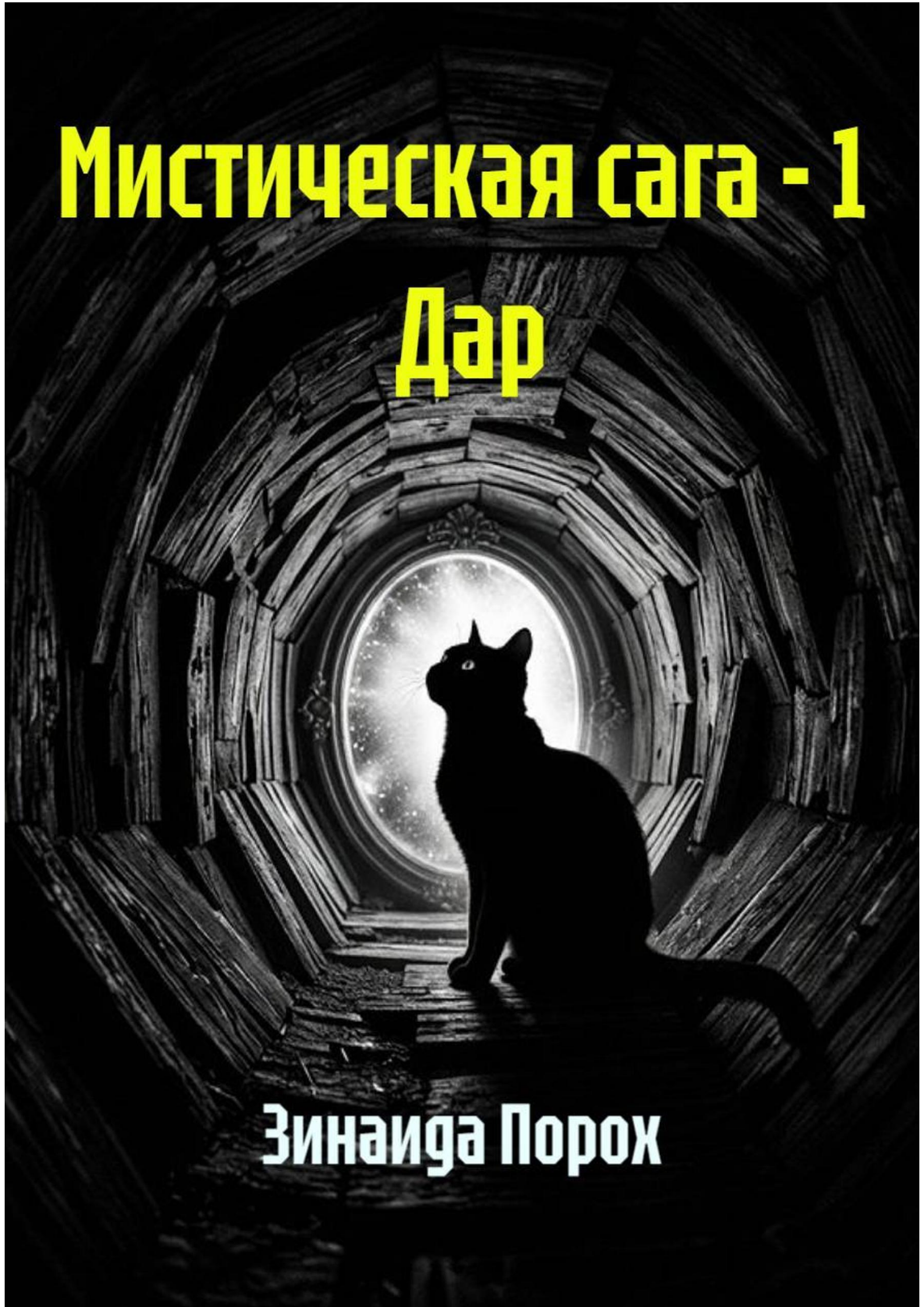
Мистическая сага - 1

Дар

Зинаида Порох

Зинаида Порох

Мистическая сага - 1 Дар

«Автор»
2026

Порох З.

Мистическая сага - 1 Дар / З. Порох — «Автор», 2026

Мистические приключения студентки физмата, узнавшей что она — из рода ведающих. В калейдоскопе событий закрутились и её бабуля, и чёрная кошка, ведьма-оборотень, покусившаяся на непочатую силу девушки, и домовой, открывший на чердаке казачьей хаты портал из старинного зеркала.

© Порох З., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Мистическая сага 5
Книга 1. Дар 6
Часть 1 7
1. 7
2. 9
3. 13
4. 17
5. 20
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Зинаида Порох
Мистическая сага - 1 Дар

Мистическая сага

«Страх — самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх — страх неведомого»

Говард Филлипс Лавкрафт

Книга 1. Дар

Всё начиналось, вроде бы, буднично — ну, приснился сон, с кем не бывает? Кто ж знал, что это станет началом мистических приключений, случившихся в жизни одной обычной с виду студентки — будущего математика. Чтобы выжить, ей пришлось кое-что вспомнить, вернее, узнать такое, о чём она и понятия не имела. Познакомиться с домовым и парой оборотней. Да много ещё с кем.

Часть 1

1.

Окна в доме были прикрыты лишь тюлями, шторы после недавнего переезда повесить не успели. Поэтому в комнату беспрепятственно проникал бешено-холодный свет Луны – полнолуние. Будто в светильнике энергосберегающую лампочку заменили на галогенную, и он ощутил себя прожектором. На ковре по полу растянулись серебристые дорожки. Воздух, словно насытившись энергией полнолуния, сиял ночной магией. Лишь тьму, затаившуюся в углах, лунное неистовство не смогло одолеть — там таилось нечто жуткое, тихо нашёптывающее сказку. Она была не очень страшной, но ведь ночная тьма, да ещё в полнолуние, всегда обманчива и полна скрытых сюрпризов…

На узком диванчике у окна спала девушка.

Её длинные тёмные волосы были раскинуты по белой подушке. Девушка во сне хмурилась и что-то шептала. Может, её тревожил яростный лунный свет? Или снился кошмар?

Но вдруг, вздрогнув, она открыла глаза и тревожно осмотрелась. Ей что-то померещилось? Скорее, она была почти уверена, что кто-то смотрит на неё из угла. Кто там прячется? С ней и раньше такое случалось – будто кто-то смотрит ей в спину, а обернётся — нет никого.

Девушка осторожно села, с опаской туда всматриваясь. Ей казалось, что тьма в углу слишком концентрированная, что ли, и таит опасность…

И вдруг там сверкнуло что-то. А потом возникли зелёные глаза. И из темноты вышла, одевшись в серебристый лунный свет, огромная чёрная кошка. Грациозно ступая длинными лапами, она дошла до середины комнаты и, усевшись на ковёр, с усмешкой поглядела на оторопевшую девушку. Хотя кошки, вроде, не умеют этого делать, но эта — могла.

«Мне всё это снится?» – испуганно подумала девушка и накрылась одеялом с головой.

Но ей не было видно, что творится снаружи, и от этого стало ещё страшней. Огромная чёрная кошка ещё в комнате, или она ей приснилась? Приподняв край одеяла, девушка выглянула. Вдруг она исчезла? Но кошка, всё также усмехаясь, сидела там же — чёрная и огромная, с зелёными глазами, в серебристом лунном свете. Девушка попыталась закричать, позвать кого-нибудь на помощь, но тут кошка прыгнула ей на грудь. Неимоверная тяжесть навалилась на неё, в лицо заглянули зелёные глаза, а над горлом нависли острые белые клыки. Девушка снова хотела крикнуть, но её голос пропал. Тогда, молотя руками, она попыталась сбросить её с себя. Но кошка принялась с треском раздирать одеяло стальными когтями, добираясь до тела девушки.

И тут из её горла вдруг крик:

- Мама!

«У меня есть голос!» – ликующе подумала девушка и ещё громче заорала:

- На помощь! Бабуля! Помогите! Кошка!

И через сто лет ожидания в комнате зажёгся свет. А в дверях замерла пожилая женщина в ночной рубашке.

- Ларочка! Что случилось? – встревоженно спросила она. – Где кошка? Кошмар приснился?

И даже при свете кошка так и продолжала рвать когтями одеяло. Неужели женщина её не видит?

- Бабуля! Вот же она! – продолжая молотить руками, крикнула девушка. – Чёрная кошка! На мне!

- Где? Какая кошка? – воскликнула та, с недоумением присматриваясь.

И только тут чудовище, спрыгнув с девушки, попятилось и будто растворилось в углу.

- Она ушла! В угол! Разве вы её не видели? – сев на диване, крикнула Лара.

- Нет никого! Успокойся, Лара! упав лоб девушки, сказала: – Температура нормальная. Сейчас я дам тебе воды и валерьянки. – И, уходя, добавила: – Меньше читай на ночь!

Девушка со страхом осмотрелась. Пусто, никого. Неужели это был только сон?

Женщина, вернувшись, подала ей чашку с водой, пахнущую валерьянкой.

- Пей! – сказала.

И Лара, стуча зубами о край, выпила и, поставив чашку на тумбочку, попыталась рассказать о кошке размером с пантеру. Но та лишь сонно отмахнулась:

- Скажи: куда ночь, туда и сон! Спи, давай!

И, зевнув, вышла из комнаты, выключив свет.

Лара осмотрелась…

Тьма. Луна в окне. Таинственные углы. Серебристые дорожки на ковре. Нет только чёрной кошки посредине ковра… Или в углу… Или у её горла…

Девушке снова стало нехорошо.

«Это был сон! – убеждала она себя. – Не могла огромная кошка выйти из комнаты сквозь стену в углу! Ведь её не видела бабуля при свете. Значит у меня галлюцинации? И я опять стала лунатиком, как в детстве? Да ещё это полнолуние», – она с тревогой покосилась на огромный шар небесного светила в окне.

Ларе хотелось снова включить в комнате свет, но для этого надо спустить ноги на пол и дойти до выключателя. А он скрывается в тёмном углу у двери.

«Нет уж! Я просто не буду больше спать, а то снова кошка приснится, – решила Лара. И подложила под спину подушку. – Конечно, это лишь сон. Ведь даже одеяло целое, – констатировала она, подоткнув его под бока. – А после шкрябаний когтями от него остались бы одни ошмётки. Наверное, я просто сумасшедшая — вижу то, чего нет. И обостряется это в полнолуние!» – хмуро заключила она, снова глянув на бледное от бешенства ночное светило, повисшее в окне.

И тут ей вспомнилась история, случившаяся с ней в детстве. И тогда она чудом осталась жива. К счастью девочку объявили тогда лунатиком.

2.

Девочка Лара жила в уральском городе Челябинске со своим отцом и бабулей. Она не знала, что Полина Степановна её бабушка, и называла её мамой лет до трёх, пока не пошла в детский сад. И воспитательница просветила ребёнка — кто есть кто. Её мама Арина, умерла при родах – что-то с сердцем. Поэтому Полине Степановне и пришлось заменить малышке мать. Она уволилась из театра, где работала кассиром. Поскольку Полина Степановна окончила два курса театрального училища, то иногда она выходила на сцену в массовке. Ларин отец, начальник уральских строек, дома бывал редко, но в выходные водил их в цирк — на весёлые представления, и в городской парк — на карусели. А иногда — в театр, где раньше работала Полина Степановна, на премьеры спектаклей. И бывшие бабулины сослуживцы выносили им почётные приставные стулья. Отец баловал дочь, приносил игрушки и сладости. Хотя конфеты бабуля, воспитывая внучку в строгости, выдавала порционно — за хорошее поведение. Лара вспоминала эти времена с улыбкой. Их можно назвать счастливыми.

А потом, когда ей было лет шесть, пришла беда.

Отцу построили срубовой дом на окраине города, почти что в лесу. И с того дня, как они туда перебрались, жизнь Лары поделилась надвое — до и после.

Девочке стали сниться повторяющиеся кошмары, вернее – один кошмар. Начинался он с низкого гудения, от которого Лара начинала дрожать, а потом в окно спальни, на которых во сне не было занавесок, заглядывали красные глаза. Лара, испуганно прячась, убегала от их взгляда, с трудом таща чугунные ноги. Но глаза находили её всюду, передвигались от окна к окну. Часто Лара просыпалась от собственного крика. Или от того, что оказывалась на полу. А потом лежала в кровати, крепко зажмурив глаза. Она боялась взглянуть на окна – вдруг жуткие глаза ей не снятся? Вдруг они реальны? Вдруг появятся в окне?

Лара стала бояться спать, продолжала вечерами пялиться в книжку или рисовать. Пока бабуля, сердясь, не звала отца, и тот, взяв на руки упирающуюся дочь, уносил её в кровать. Полина Степановна шла следом и всегда, уходя, выключала в спальне свет. Лара оставалась в темноте и, крепко зажмурившись, старалась побыстрее уснуть — пока не раздавалось гудение. Бывало, что она не успевала и всё повторялось – окнах появлялись красные глаза… Надо бежать…

Лара, конечно, жаловалась взрослым на свой кошмар. Но отец, как всегда лишь отмахнувшись, убегал к сигналящей машине — на работу его, начальника СМУ, отвозил личный водитель. А бабуля строго говорила ей:

- Скажи — куда ночь, туда и сон, он и отстанет.

Но эта поговорка Ларе не помогала — глаза снова смотрели на неё в окно. И девочка скоро поняла: против её снов нет защиты. Так прошёл год, девочка пошла в школу, но ничего не изменилось.

А вскоре она узнала, чьи они. Во сне к ней явилась страшная летающая старуха, на лице которой пылали красные глаза. В них не было зрачков — один огонь.

Всё началось с низкого гудения. А потом огромный крючок на дверях дома сам упал, двери распахнулись, и в них влетела старуха в развевающемся чёрном балахоне. Протянув вперёд худые руки, она шарила ими вокруг себя. Её зеленоватое лицо было задрано вверх, пылающие глаза неподвижны и злы. И Лара поняла, что эта старуха ничего не видит. Она шарит вокруг, чтобы найти Лару! Что же ей делать?

И девочка бросилась к бабуле. Она поможет!

С трудом таща чугунные ноги, Лара вбежала в спальню Полины Степановны, но та даже не проснулась. И сколько девочка ни трясла её, сколько ни звала, та лежала будто каменная…

И тут где-то вдали запел петух…

Лара, испуганно осмотревшись, видела, как старуха, маячившая за её спиной, будто дымка растаяла в воздухе…

«Она боится петуха?» – удивилась девочка.

И полетела к себе в комнату. В эту ночь — как и во многие другие теперь, Лара больше не спала.

Утром она вновь пожаловалась взрослым на то, что её преследует во сне летучая зелёная старуха с красными глазами. Но отец, снова отмахнувшись, побежал к машине, а бабуля повторила свою бесполезную приговорку.

Теперь маленькая Лара точно знала: защиты от взрослых нет, надо рассчитывать только на себя. Отец и бабуля считают её сны ерундой.

Но спасаться от ищущих рук летучей старухи становилось всё трудней, хотя пока ещё возможно. Самое главное — не смотреть ей в глаза. Но если, всё же, это случилось — хочется же знать, где она сейчас, то надо срочно убегать. Ведь ведьма, ощутив её взгляд, тут же находила место, где пряталась Лара. Единственный выход — спрятаться в таком месте, о котором старуха не знала. И ждать там, затаившись, рассвета. Или крика петуха. Но скоро, видимо, петуха съели. А потайных уголков в доме становилось всё меньше — за дверью зала, в шкафу, под кроватью за комодом в комнате отца. Там приходилось сидеть, не поднимая головы, слушая низкое гудение, которое издавал полёт старухи. И ждать, пока не в окне не появится серый свет. Иногда Лара засыпала и взрослые находили утром девочку в странных местах. Бабуля говорила внучке, что это глупая игра — прятаться там. Ругала. Но она молчала. Что толку говорить им про старуху, которая приходит в её сны?

Но вот во всём в доме осталось только два места, где Лара могла спрятаться — за комодом в комнате отца и за дверью, ведущей в зал. Что будет, если старуха её поймает? Она убьёт её? Съест? Утащит в какое-то место, откуда она прилетает? Лара старалась об этом не думать, да и ей было уже всё равно. Она устала…

Той весной девочка осталась дома практически одна. Бабуля уехала в санаторий по «горящей» профсоюзной путевке, которую дали отцу. Но тому некогда было отдыхать — он сдавал срочный объект.

А у Лары оставалась лишь одно потайное место в доме — угол за комодом в спальне отца…

Она почти не ела и совсем не спала.

И маленькая Лара стала задумываться: стоит ли заплетать косы, если всё равно скоро помирать? Зачем ей мыть руки? Никому это не интересно, кроме учителя музыки. Да и стоит ли обращать внимание на его претензии, ведь ему недолго осталось обучать её игре на фортепьяно. Он, наконец, будет доволен — некого ругать за грязные ногти, невыученные этюды и плохой выверт рук.

Никто о ней не пожалеет, когда она умрёт схваченная старухой во сне….

Но один неравнодушный человеку нашёлся — её учительница Антонина Николаевна. На перемене она подозвала Лару к своему столу.

- Что с тобой такое? – сочувствующе спросила она. – Ты что, в эльфа превратилась? Лицо бледное, волосы растрёпанные, банты потерялись, а глаза — величиной с блюдце. Ты ешь хоть иногда? А спишь нормально? Где твоя бабушка? Пусть позвонит мне. И где отец?

Лара, пожав плечами, сказала:

- Бабуля уехала в санаторий, а у папы — авральный объект.

- Понятно! – протянула Антонина Николаевна. И, достав из сумочки красное яблоко, протянула ей. – На, съешь сейчас же! Я сама позвоню твоему отцу! Объекты будут всегда, а дочь у него одна. И скажи своей бабушке, когда вернётся — пусть придёт в школу. Нам надо поговорить.

Лара кивнула — скажет, конечно. А что толку?

Взяв свою расчёску, Антонина Николаевна расчесала Лару. Больно. И заплела ей косу, заколов своей заколкой. Добрая. Но что толку? Она ведь тоже не верит в летающих старух. Лара всегда одна.

Отец вернулся вечером, как всегда, поздно. И, выпив чаю ушёл спать. Видно звонок учительницы его не впечатлил. Или же отец не взял трубку. Авральный объект, вот что важно!

А бабуля, вернувшись через неделю — бодрая и помолодевшая, не сразу собралась в школу, а потом стало не до того — Лара лунатик!

В то утро Лара проснулась у отца в постели. Как она тут оказалась? Помнила только свой сон — за ней снова гонялась старуха и она прибежала в комнату отца. И спряталась за комод.

Но тут отец, войдя, взял дочь за руку и привел её на кухню.

- Наша Лара лунатик! — объявил он.

Бабуля, стоявшая у стола с бутербродами, вскинулась:

- С чего ты взял?

И отец рассказал, как дочь ночью вбежала в его спальню и спряталась за комодом.

- Глаза закрыты, на вопросы не отвечает, и ледяная, как русалка, – говорил он.

А когда он отнес её в спальню и уложил в кровать, то Лара тут же вернулась и опять забралась за комод.

«А что делать, если только там меня старуха не видит?» – думала, стоя как на расстреле, Лара.

А отец говорил, что пришлось дочь вытащить и положить её с собой!

- Помнишь, как мы находили её утром в странных местах? Что это, если не лунатизм? – сказал отец. И приказал Полине Степановне: – Веди её к врачу! Сегодня же! Я договорюсь с клиникой, там есть хороший невропатолог!

А Лара думала;

«Какой толк от невропатолога? Лара недавно была у стоматолога — тот орал и тыкал в неё всякими железками. Я же не шницель какой-нибудь!»

Однако невропатолог, женщина-врач, к которой они пришли с бабулей, оказалась веселой и доброй. Не орала. Только — не больно, постучала молотком по её коленям и спросила, как она спит. Лара ответила, что спит отлично, как убитая. И про свой кошмар ничего ей не сказала. А зачем? Бестолку. Пусть пропишет что-нибудь, да она домой пойдёт — этюды играть, будь они неладны! Недолго осталось.

Но врачица повела себя странно. Она поставила перед собой Лару, долго смотрела ей в глаза, а потом заявила бабуле, что их девочка очень больна. Что она может скоро умереть — счёт идёт на недели, а, может, и дни. И приказала уезжать из этих мест:

- Ей надо срочно сменить место жительства и климат.

Вскоре семья Саниных переехала на юг. Вещи взяли только самые необходимые, остальное бросили. Отец сказал, мол, наживём ещё. Главное — здоровье и жизнь дочери. Виктор Семёнович потерял тогда не только мебель и вещи, но и свою карьеру порушил. Ведь ему обещали скорое повышение. Выручило Саниных то, что у отца в южном городе Армавире жил друг и бывший однокурсник отца. Он помог ему с работой — устроил на должность главного инженера СМУ, и с квартирой, — пока дом продавался. Бабуля нашла себе место кассира в драмтеатре. Правда, в массовку её уже не брали — режиссёр сказал, что фактура у неё не та. А Лара стала учиться в школе, расположенную за углом. Жизнь Саниных наладилась. Пусть вокруг была перестройка, но их это не затронуло. Люди ведь всегда нуждаются в жилье.

Ларе очень понравилось жить на юге — зима короткая, много фруктов и овощей, даже на улицах растут орехи и фруктовые деревья, всюду вьётся виноград, пестреют цветы. А самое главное — ей больше никогда не снилась красноглазая старуха. Видно, она осталась в том доме на Урале. И Лара о ней забыла. Как говорится — как о страшном сне.

Окончив школу с золотой медалью, Лара поступила в Краснодаре в университет на физико-математический факультет. Зимой неожиданно умер её отец — сердце. Провожать в последний путь начальника СМУ пришло полгорода — сотрудники, соседи, даже конкуренты. Виктора Семёновича Санина все уважали. Через год его мать, Полина Степановна Санина, не выдержав одиночества, продала трёхкомнатную квартиру и, купив на эти деньги жильё, переехала вслед за Ларой в краевой центр. Цены там оказались такие, что едва хватило на старинную хату с небольшим садом, на окраине Краснодара. Но, что немаловажно в таком возрасте — с удобствами, с газом и стационарным телефоном. Так что, считай, ей повезло.

Лара, ожидая утра после кошмара и вспоминая детство на Урале, недоумевала. Кто такая эта летающая старуха? И почему она донимала ребёнка? Чего хотела? Её смерти? Зачем? И как врач нашла правильный выход из ситуации? Может она была экстрасенсом, о которых только сейчас все открыто заговорили?

«Впрочем, было и прошло! Надо решить, как быть дальше? Опять, как в детстве, не спать ночами и заглядывать в угол? Ждать следующего визита огромной чёрной кошки? Как летучей старухи в детстве? Опять стать лунатиком? – покосилась она на Луну, висящую в окне. – Говорят, что сложные математические науки обостряют мозговые аномалии у тех, кто их изучает, – усмехнулась Лара. – Похоже, это мой случай. А кому нужна училка, страдающая лунатизмом, галлюцинациями и, может, даже шизофренией? Бабуля не видела кошку, а я её даже ощущала. Налицо навязчивая галлюцинация и шизофренический бред, – вздохнула она. – Ужасно!

А что если использовать рецепт, прописанный мне той врачицей-невропатологом? И просто сменить место жительства? – вдруг пришла ей в голову идея. – Я тут всего неделю живу, а чёрная кошка уже у моего горла. Не то что зелёная старуха, которая гонялась за мной два года и так и не нашла. Эта пантера не будет долго со мной чикаться. Откусит голову, и дело с концом. Пока ей что-то мешает, но я даже не хочу выяснять, в чём причина. Надо вовремя поменять дислокацию, пора уходить из этого дома, где начались кошмары. И, конечно — обратно в общагу! Там мне кошмары не снятся. А как быть с бабулей? Обидится, если я уйду отсюда. Ведь она из-за меня переехала, – смутилась Лара. И решила: – Я что-нибудь после придумаю! Ведь бабуле тут неплохо — она даже не видит монстров. Всего-то ей три с половиной года продержаться, а потом мы вместе переедем в другой город. Я буду работать, она — вязать. Отличный план! – решила она и бодро осмотрелась. – Так, уже расцветает. Пора собирать вещи! И — в общагу!»

3.

Дом, в котором теперь поселились Полина Степановна с внучкой, стоял на окраине Краснодара. Это была старинная казачья хата, которой прежние хозяева придали вполне современный вид — провели в неё газ и водопровод, пристроили ванную, саманные стены обшили светлым сайдингом, окна заменили на пластиковые. А вот крыша так и осталась укрыта черепицей — старинной, с заводскими клеймами, поставленными на заводе ещё в прошлом веке, и прекрасно сохранившей своё цвет и качество. Зачем её менять? Стены в комнатах оштукатурили, оклеив их современными обоями, потолки сделали натяжными, хотя они и были и невысокие. Чердак тоже остался прежним. Его балки, из пихты — чем дольше служили, тем крепче становились. Поэтому их дом, хоть и был невысоким, но за счёт пристроек, занимал немалую площадь. Имелся при нём и садик, расположенный за домом, в котором были и абрикосы, вишни, и сливы, и яблони, а вместо навеса над входом вилась беседка из винограда сорта Изабелла. Очень неплохое приобретение сделала Полина Степановна. Оставались даже деньги на учёбу внучке. Да и вообще — пригодятся.

А заглянув сейчас на чердак этой старинной казачьей хаты можно было увидеть в самом его пыльном углу рыжего бородатого старичка. Который, поджав ноги, сидел на балке и, усмехаясь, поглядывал вниз — на новых жильцов. Похоже, он прекрасно видел их через потолок и, судя по всему, это был не просто старичок, хотя вид у него был… бомжеватый. Человек знающий сразу признал бы в нём домового. И не абы какого, а настоящего, старинного.

Всё-то у него было «как следовает».

Рыжая борода, похожая на веник, простиралась до самых колен; патлы на голове были вздыблены, как и полагается настоящему домовому, а его кудлатые брови клоками нависали над самыми глазами, горящими нехорошим жёлтым светом. А глаза-то, глаза какие — светят во тьме, что твои фонарики! Этот домовой, знающий древние порядки и обычаи не понаслышке, был не из тех, что «ходют» по чердакам с клочковатой порослью на лице. Это могут себе позволить лишь некоторые — из трёхсотлетнего молодняка. У него всё было, как положено — не менее «тыщи» лет свои рыжие патлы растил, ни разу не расчесавшись. Да ни один уважающий себя домовой не возьмёт в руки гребень и ножницы, чтобы их обрезать. Потому как не положено: от этого связь с предками и всем родом рушится. Да и не волосы это, а… Ну, сложно объяснить это человеку несведущему. Короче, это иное. Потому-то домовые любят шутки шутить, запутывая колтуны и кудели тем людям, которые много заботятся о внешней красоте, а предков своих не помнят. Да и вообще — век человека недолог, чего стоит-то? А вот он, домовой, и есть истинный владетель жилья, потому как живёт… Ну, в общем, сколько ему на роду написано, столько и живёт. Да и толку это помнить — ведь календарь на его веку уже не раз менялся.

Да и «одёжа» на старичке-домовичке была «справная», соответствующая его чину. Не кургузая какая одежонка, как у иных подъездных да квартирных. Те цветные пиджаки напяливают, да штаны в обтяжку «надягают», костюмчики с люрексом на себя набрасывают — такие, как у человека. Тьфу ты! Постояльцев их, ежели в суть глянуть. А свои глупые головы — тьфу ты, срамота! — эти глупцы, рода «свого» не помнящие, стригут, а то и вовсе их налысо бреют. Предков ни во что ставят! А чего их помнить? Жили они давно, когда «энтих» дурней и на свете не было. Причём тут они? А прикрывают они свою срамоту, натягивая на свои пустые головы фасонистые шляпы. А на свои ноги позорные напяливают «лаковы» туфли со скрипом. Тьфу! На плечи непутёвые поддевают плащики модные. Куда в этаком ходить? Как в таковом обличье по закоулкам да чердакам лазить? Мышей «пужать»? Чтоб за кикимору их приняли, коим там не место, а не за авторитетных домовых? Как им потом с этой мелкотой — тарака-

нами да мышами, крошки делить, как наши предки-то «заповедывали»? Никак. И не с кем. Они «ить» к ним не выйдут. Вот как далеко дело-то может зайти! Эх!

Нет уж! У этого домового всё было как положено! Как «следовает».

«Одёжа» у него была вся «доподлинная, хучь» и полинявшая». Снизу на нём поддета конопляная рубаха, крашенная луковой шелухой; поверх неё — безрукавка бархатна; а внизу, как и заповедано — штаны полосатые, с натурального суконца. А ежели куда «идтить» надобно, доставался из потайных мест армяк двубортный. И обувь правильная — это важно. А в «обычно» время на ногах старичка были валенки — для бесшумности и надёжности тепла. А в гости он обувал… Ну, те, которые лежат в «укладочке» — сундучке таком потайном, за балкой спрятанном. У него он имелся, как у «кажного» уважаемого и старинного домового. В нём хранится всё! И армяк из добротной шерсти лежит, и косоворотка «с натуральной хлопки», и «мурмолочка» шевиотовая — шапка «то-ись», «ишо» его бабкой шитая, а «також» так аккуратненько в белом полотенчике, хранятся они, сапоги «юхтевые» — мягонькие такие, с козьей кожи, с отворотами, обшитыми «самоцветами да яхонтами». Но это лишь на торжество какое, почти не надёванное.

Откуда у домового с чердака казачьей хаты взялось это «богачество»? С самоцветами? Дело в том, что он не всегда обитал здесь. В стародавние времена этот домовой при большом «енерале живал». И всё ценное, что было в его укладке, когда-то для «енеральского» дитяти было пошито. Причём, лучшими мастерами «Питембурга». А как это дитё подросло, всё это добро на чердак и поместили — с камзольчиком исправным и с сапогами «юхтевыми». Для следующего дитяти. Да не было его. Вот родители про то и забыли, а домовому всё «сгодилося». Жаль, что камзольчик ему маловат, но ежели ужаться слегка — в самый раз. А «енеральское» дитё «тожеть енералом» стало. Да дом его в «Питембурге», «башибузуки» пожгли, покрали многое. Но у того и другие «партаменты» имелись, в которых свои «домовики» уж были, а этому домовому-погорельцу пришлось, взяв сундучок и «укладочку», другое жильё себе подыскивать. То там, то тут кантовался, да всё не то было — не до души. А тут знакомые домовики толковый совет дали. Мол, казаки «не хужей енералов». И указали на эту хату. Так он к ней и прибился, прожив в ней, почитай, что, лет триста назад. А лет сто как с казаком Акимом «стакнулся» и при нём стал состоять. Хороший был казак! Правильный! Таких поискать, да вовек не сыщешь!

Так вот, эту «енеральску укладочку» — и камзольчик, и сапожки, и мурмолку, домовой берёг для «особливого» случая — на собрание домовиков, аль Общины являться, чтоб перед домовиками да подъездными дорогущими «яхонтами да самоцветами сверкануть».

Почему же старичок сидит теперь на чердаке казачьей хаты, пригорюнившись?

«Эх! Судьбинушка! Ну, то давняя история — чего душу-то травить? – вздохнул домовой, закручинясь. – И здесь, кажись, я уже недолго задержусь».

И, чтобы развеселить себя, решил домовой провести ревизию. Достал откуда-то из-за балки простенький фибровый чемоданчик и стал перекладывать вещи.

- Вот куфайка и штаны стёганные, – аккуратно сложил он их в стопочку рядом с собой. – А к им ишо пара сапог кирзовых, – поставил он рядом заскорузлую обувку. – Також имеется подношенный, но оченно тёплый заячий малахай, – положил он его сверху штанов. – Эта ладная справа досталася мне по наследству от казака Акима. Он, как всем звестно, и был лет сто назад хозяином цей хаты. И владел ей по праву, потому-то она и носит его прозванье, – убежденно заявил рыжий старичок. И продолжил, угрожающе погрозив куда-то в угол чердака:

- Кубанские да донские казаки сильно схожи с царскими «енералами» — и Родину берегут, и честь блюдут, и служат верно. Казаки — не шелупонь какая! Которой нынче — сверх меря. И обычаи свято блюдут, и «родителев» крепко почитают, и детей своих в традициях да строгости воспитывают. Ежели дают.

Да где они теперя, эти казаки-то? – вздохнул домовой, расстроено пряча фибровый чемодан за балку. – Их, как «россейску ристократью», самозваные антихристы под корень извели да в распыл пустили. Те и Христа отовсюду гнали, и попов по лесам развезли да постреляли, як куропаток. А опосля за своих соратников принялись — эх, раззудись плечо! Хуже нелюдей! Ныне уж иные времена пришли — и Христа вспомнили, и от прежних ужастей отмежевались — как не было, да казачество уже не возвернёшь. Сгинуло в лесах да лагерях. А мне, домовому, Акимову хату сберегать надо! Да недолго ей ще стоять! – стукнул он кулаком по балке. И, глянув снова вниз, на новых жиличек, заключил: – Вот опосля того, как этих сгоню, а Акимова хата от старости рухнет, друзья-домовики помогут мне новое жильё сыскать — не хужей енеральского. Одна беда, – вздохнул он, – с енералами нынче плоховато. Нетуть таких, шоб и честь сберегали, и Отчизну, как мать свою, блюли, и Родину от невзгод спасали. Жаль, казаки вовсе перевелись — кремень люди были. А новые казаки — вовсе измельчали. У них заместо Родины значатся прибыля да лычки. Эх!» – и задумался, вспоминая, как ему фибровый чемоданчик и Акимушкина «справа» в наследство досталась.

Это «особлива стория».

Казак Аким — младший урядник, георгиевский кавалер, в 30-е годы угодил в некие списки. И честно отсидел в казематах и отбыл в северных лагерях за своё казачество. Время тогда было такое — имеешь честь, так плати за неё кровью. И, как положено — бесплатный труд на благо людей, верящих в призраки коммунизма. А на народных стройках да лесоповалах зэков одевали в такую «одёжу», которой хватало бы лет на десять, а то и «боле». Ежели кто доживал до «боле», конечно. Всё стеганное, подходящее лес валить да в снегу у костра трястись от холода. Одна беда — недолго ею пользоваться удавалось. А как не помереть, ежели еды почти что не давали? Партийцы пытались в лагерях новую породу людей вывести — чтоб пайка хлеба была с осьмушку, а работал зэк за десятерых. Так бы и казак Аким там «погинул», да домовой за ним на зону потащился. А как иначе? Аким бы в лесах пропал, как и многие его станичники. Не бывать тому! В зоне в основном уголовники «хозяйнували», свои порядки наводили, а домовой, ютясь в фибровом чемоданчике, помогал Акиму чем мог. А чем он мог-то? Так, по мелочи. То лежанку Акиму помягше соорудит, подоткнув мха, то вшей заговором изведет, а то уголовников, скудного харча Акима лишавших, отвадит. Одного хмыря он удачненько с дерева уронил — насмерть расшибся. Другого заговором закружил, да так ладненько, что он в дремучий лес забрел, а там его охрана пристрелила — как беглого. Третий «нечаянно» циркуляркой на лесопилке себе руку оттяпал — ту, что у Акима осьмушку выхватывала. А уголовники народ ушлый, вмиг смекнули, что к чему. И слух по лагерю прошёл — мол, Аким-урядник колдовское слово знает, никшни, братва! С тех пор его и не стали «забижать» — себе дороже. Вот Аким и выжил. Случайно. Ведь известно сколько народу в зоне от голода и всяких побоев сгинуло. Тьма!

И через десять лет казак Аким вернулся в хату. В стёганых обносках. А с ним, конечно, домовой в фибровом чемоданчике прибыл. Станичники, назвав его лагерной шестеркой, отвернулись от Акима. Все наши, мол, в лагерях «погинули», а ты живой. Да и дети не обрадовались «свому батьке». Переписка Акиму не дозволялась, они и думали, что он с концами на зону ушёл. А теперь что? Они ведь за эти годы успели даже свою фамилию поменять, чтобы уж вовсе отмежеваться от врага народа и партийцев. Аким был Белоглазов, а дети его стали — Белоглаз. И своего батьку, вроде как за неистребимый тюремный запах и за справку с иной фамилией, сыны спровадили в «летнюю стряпку». Как стороннего квартиранта. А ведь он хозяин! Но противиться этому было некому. Жена Настасья от горя померла, его родители — полуглухая бабка Дарья, да рассыпающийся от годков дед Иваныч, за людей не считались. А сынки Акима, отсидевшего в лагерях за казачью честь десять лет, за это время стали пионерами и комсомольцами. Да и Аким, пришибленный лагерной жизнью, говорить отучился. Опасно

лишённому всех «правов» рот открывать — снова ведь «посодют». Вот и росли Белоглазы, забыв о казачьих традициях.

Домовой тяжело вздохнул. Он ведь и себя винил, что хата Акима была без «пригляда». Потому-то в ней всё и пошло наперекосяк. Но ведь Акиму без его поддержки — амба, не выжил бы. А теперь выходит, зазря он за своё казачество кровь проливал и безвинно страдал? Ведь его дети — без казачьего воспитания, пока их батька в Сибири лес валил, друзьями партийцев стали, которые без роду и племени. Одни пулемёты да казематы уважают, с их помощью всё и решают. Эх!

Белоглазы даже вольные казачьи песни позабыли, на которые запрет был. А как их Аким-то «спевал». Э-эх!

И домовой тихонечко загудел:

Ой, за туманом ничого нэ выдно,

Ой, да за тума-а-но-ом

Ничого нэ выдно!

Тилки ж вы-ыдно дуба зеленого,

Ой, да-а…

Да, теперь в почёте — взвейтесь да развейтесь, да мы — дети рабочих. А «куды» ж отцы-казаки подевались? В лесах «погинули»? Да в «ридной» хате с тоски «загнулися»? Да-а, пропал род Белоглазовых. «Токмо» и осталась памяти, что стёганная зэковская «одёжа», которую его сыны пожечь хотели, да домовой её «стибрил».

- Не трожьте, охальники, геройскую справу! – пробормотал домовой, сидя на балке.

А Белоглазы решили тогда, что их обокрали. Домовой ведь даже Акимову гармошку забрал — не по чину она его сынам. Недостойны они батькин казачий «струмент» в руки брать и песни комсомольские петь! Вот она — стоит за трубой в чистой «холстине». К слову, домовой «грать» на ней выучился. И на Акимовом «струменте» — коли гости у него были, домовой запретные кубанские песни наяривал. А милиция, бывало, бегала и искала — откуда «Чёрный ворон» раздаётся? Не находили никого, ха-ха! А домовики, как умели, подпевали — и про дуб зелёный с туманом, и про Дон с Кубанью, и про Галю. «Ты ж мене спидманула» — ежели в «кумпании» домовихи были, конечно. Повеселить их.

Но однажды беда пришла: внуки Белоглазы своё родовое гнездо продавали за сущие копейки. Их-то «ишо» домовой терпел — как-никак Акиму кровные дети да внуки. А пришлых-то за что? Один внук своё родовое гнездо на машину спустил, другой — на ипотеку променял, а третий — вовсе непутёвый, на пьянки да гулянки развеял.

И осталась хата Акима пуста и выморочена. Не без помощи домового, конечно. Он не мог дозволить, чтобы в наследном казачьем жилье всякая шелупонь обитала. Славный был казак Аким, а вы кто такие? Никшни, «робяты»! Ищите себе иное место, а хата Акима не про вас!

Домовой даже рыкнул, вспоминая никчёмных людишек, намеревающихся тут осесть. И то, как они отсюда бежали, натерпевшись — аж пятки сверкали! А домовой потом радовался, королюя в опустевшей Акимовой хате. Сколь гостей тут принял, да как весело он гулял с дружками-домовиками, «грая» на Акимовой гармошке! А плюшек сколько они съели — с ягодой, грибами да творогом. Сколь казачьих песен «спевали»! Эх!

4.

Но сначала пришлось домовому повоевать. Как «енералу» в «Бабталии»!

«Особливо» было непросто, когда Акимову хату купили у Белоглазов заезжие москвичи. А чего ж не взять, тут жильё дёшево стоит! Да просчитались они, решив, что на пенсию выйдя, на югах поживут в комфорте, косточки на морях перед тем прогрев. Все хлопоты по оформлению Акимовой хаты в новую собственность взяла на себя риэлторская фирма. Купили они эту хату у Белоглазов, сидючи «как поганки на пеньке», на курортах в Сочах. Чтоб их приподняло да скорчило! Только потому и удалось козни домового стороной обойти. А ежели б они сюда с «посередниками» пришли на смотрины, он бы дело до купчей не допустил. Быстро б их отвадил! А они вошли в дом лишь тогда, как газ и воду в дом завели, ремонт сделали, да соорудив прям в Акимовой хате купальню.

«Тьфу ты! – сплюнул домовой. – Сроду здесь такого безобразия не было! Нет бы баньку с парной во дворе возвести, как у царского енерала! Так нет — московиты лезут киснуть своими пышными телесами прямо в хате, в тальянски керамо-лохани! И никакого веника по жирным бокам, — одна пена вокруг плавает. Тьфу ты, пакость! А летом норовят шкварить прям у хате шницеля с харчапурьями. А у казаков как заведено? Всё чисто та гарно: хата летом для життя, а стряпка аль печь-кабыця на вулице — для печива и варева. А тута всё до кучи, шоб жир не растрясти. Охальники! И ещё, как его… кондекцинер эдак страшнюче в хате гудит, холоду нагоняет! Ад кромешный! И телепон — стоит в хате коробочка с трубочкой, через которую хучь до Московии можно докричаться. Нет бы повидаться с человеком, а нет – письмецо вдумчиво напиши. И ответ жди, как ране было. Ежели срочно – телеграмму дай. А это што? Чисто макаки трещат! Трынды-брынды, и трубочку поклал. Рази ж можно такое терпеть?»

Московитов домовой долго спроважилвал. Неча в казачьей хате свои порядки воротить! То-то распотешился! Настоящим выживалой стал. И в огне горели, и в воде тонули! А чо, сами ж её в хату завели! Нате вам, купайтеся! Ха-ха! Натыкали везде своих «блендеров», «кохамолотилок» да «розветок електрических», так пущай они без дела не стоят, а «фейнверки» пускают! Хи-хи! А залягут московиты спать, замордованные вконец огнями и потопами, он им то филином в трубу гукнет, то душит их, родимых. Прямо в постелях после керамо-ванных. Они с испуга полицаев в хату по телепону выкликают. Мол, кто-сь на нас ночью напал! Ха-ха! А те — хто, мол? Да где он? Да покажите нам место переступленья! И предъявите, мол, чо покрали-то? А что они предъявят? И за такой «сложный» вызов им — штраф хороший! Ха-ха. А как весело им под упитанными ноженьками пол шатать! А ежели те ещё и грохнутся! Хи-хи! Или двери от них прятать да местами их с окнами поменять. А бывало, что вылезали московиты посередь ночи через окна наружу — прямо в лужу аль в снег в тапках с собачьими ушами ступнут, то-то славно! Норовя выйти в дверь. Ха-ха! Во где сюрприза им! А как приятно им на ручках дверей напрочь замки замыкать — ни зайти, ни выйти! Хи-хи! Так, попав в нужник, московиты до самого утра с него вылезть не могут. Один им выход — в купальне, в «тальянской кераме» почивать залечь. Ежели удастся уснуть, конечно. Потому что расшалившийся домовой лезет к им в гости в малое оконце. Да не в своём обличье — слишком красивый же, а каким страхолюдным чудищем, аль макакой туда просовывается. Ха-ха!

Не «ндравится»? Пошли вон!

И московиты бежали с Акимовой хаты прочь в одних тапках. Хи-хи! Ни дна им, ни покрышки! А кто б не сбежал? Ведь ежели домовому не потрафил, то и в хате ты боле не жилец! Друзья-домовики сказывали, что забились те московиты в «фатеру», где дом на доме стоит — недалече от Акимовой хаты, и оттудова через тех же «посередников» её продали. Чи этих… как их… риелтернов. Недорого взяли за неё, да вот беда — опять в эту хату московитов чёрт принёс. И они её без показа взяли. Но эти недолго прожили. Не дал им домовой — он уж

завзятым выживалой стал. Топил, жёг, двери замыкал, в оконце лез — всё как положено. Они быстро сбежали. И, как и первые московиты, «издаля» за Акимову хату года три торг вели. Хотели подороже за неё взять взять, а как, ежели домовой против? Стоило в Акимову хату купцам да приказчикам войти — «то-ись» покупателям да «риелторнам», как домовой – невидимо, конечно, к своему привычному делу приступает — «тожеть», так сказать, посередник. Таких кошмаров им напустит — одно загляденье! То им почудятся стены кривые, то на крыше прорехи «наскрозь», то с потолка протечка прёт. А как выскочат они с хаты, тут уж соседи к ним приступят да страхований «напущают». И всё ить правда! И что ночами в ней веселье, и что голоса, и что нечисть хороводы водит — не берите эту хату, а то сто раз пожалеете! А може и больше. Те и бежали от неё, как «тяпнутые» осами за все места. Хи-хи!

Лет пять домовой от Акимовой хаты купцов отваживал! И жил он в ней без помех. Немного б ещё и она б сама от ветхости рухнула, а знакомцы-домовики ему б жильё сыскали. Не «хужей енеральского». Так нет!

Откуда-то явилась с «риелторном» в Акимову хату купчиха. Проще говоря — старуха Полинка. А ежели ещё точней — Полина Степановна Санина. Домовой в её «пачпорт» лично с риэлторном заглядывал. И ничего-то её, бесшабашную, не испужало тогда. Ни дыры в стенах, ни протечки с потолков, ни отговоры соседа. Купила старуха Акимову хату почти что задарма. А там «ить» — и «тальянская» купальня, и нужник с «зерцалом», и «телепон», и вода в стенах булькает, и «розветок» до чёрта. А клетей в цветочек аж четыре, не считая «колидора» — в мраморах и плитках.

«Ничо-ничо, – решил домовой. – Ты ещё заплатишь, что купилась на дешевизну! Я так привечу, шо сама побежишь отказную брать».

Но ничо так и не помогло! Поселилась старуха в Акимовой хате, пока риелторны в управе документы выправляли. Ежели протечка аль замыкание — мастера зовёт. Да порядки везде наводит. Тьфу ты!

«Вовсе ты с глузду зъихала, Полинка! Не знашь, с кем связалася! – бормотал домовой, поглядывая сверху. – Я тебя так тебя зателивизирую, что небо овчинкой покажется», – погрозил он кулаком, сверкая желтыми глазами. А потом задумался: — Старуха вредная, нет слов! Но аккуратная. И куды ж ей подастся, бесприютной? С такими капиталами, где она ещё жильё найдёт? – почесал он кудлатую макушку. – Видал я её пачпорт — с Анмавиру она! Далеконько! – Но тут же спохватился: – А мне какая разница? – И снова погрозил ей: – Держись, Полинка, сама напросилася! Устрою я тебе веселу жизнь!»

Хотя, что он может устроить? Домовой уже всё пробовал — и ночами в трубу страшно гукал, и полы под нею шатал, и в потёмках кругами её водил, пряча двери и выключатели, да всё бестолку — старуха, и вправду, упорливая. То приткнётся где-то и почивает там до утра, не будить же. То «наощупку возвернётся» неведомо как на свою лежанку. А ежели дверь в ванной замкнёт, то и чудища ей нипочём — отмахивается и спит себе дале в «керамях». А утром встряхнётся будто утка и, пританцовывая под «бабалайки по телеку», бегает по дому со своими уборками. То ли глухая она, то ли слепая? Но «бабалайки-то» слышит да в «телек» глазами «зырит». Значит и видит она, и слышит. И порядки всюду наводит — моет да выметает, как умная. Никогда в хате такой чистоты не бывало. «Дажеть» при Настасье, супружнице Акима. Но у той полна хата деток да свекров, да корова с телком, да овцы с ягнятами, да муж с конём. А эта сама, одна — времени на приборки навалом. И, чудеса — никакого страху. И полицию ни разу по «телепону не выкликала»! Мёдом ей тут намазано, что ли?

А тут и её «комтейнер» с вещами машина «с Анмавиру» приволокла. И сосед Николай, что напротив живёт и всех купцов ране от Акимовой хаты прогонял, со своим друганом Полинкины лари и ящики по клетям рассовал. Уж домовой «энтих» мужиков и запинывал, и подталкивал под локоток — всё зря! Они ж с утра хмельные, им привычно запинаться! Рассовали всё по углам, и радостные ушли похмеляться. Штоб им!

А тут жиличек в Акимовой хате и вовсе двое стало — у Полинки ещё и внучка завелась. Не было печали! И имя чудное — Ларкой звать. Прикатилась вечером с чемоданом «на колёсьях» и въехала с ним в угловую клеть. Не «сиделося» ей в том «общем житии»! Теперь двух «пужать» надо — двойная нагрузка выживале! Да только Ларка как с «инфитута» вернётся, ночи напролёт в толстенные книжки глядит, да что-то в тетрадках корябает как подорванная. А по дому ходит почти что «наощупку», в книгу глядючи. Так что бесполезно ей пол под ногами шатать и двери от неё прятать Дорогу всё одно наощупь найдёт. А, устав от книг и тетрадок, падает Ларка на диван и дрыхнет, как пулей сраженная. Ей и филинье гуканье в трубе — колыбельная. Тьфу, ты! Ещё одна блаженная в Акимовой хате поселилась на его беду!

«Што с ими делать выживале? Как отселева согнать? Вот не свезло-то! – досадовал домовой, поглядывая с чердака вниз. – Московиты лучше были! Они всего пугались, а эти — как заговорённые. Что ж, выходит, бабы теперя в Акимовой хате правят? Даже я, домовой, хозяин, побоку? Был выживальщик, да весь вышел! Надоть супротив них, супостатов, чо-нить придумать! Чтобы и глухие услышали, и слепые прозрели! – И домовой, осерчав, так полыхнул в темноту жёлтыми глазищами, что мышь, бежавшая куда-то по своим делам, пискнула и свалилась с балки. – То-то же! У меня не забалуешь! – усмехнулся он. И удлинив мохнатую лапу на пару метров и бережно подняв её, снова посадил мышь на балку. Та, деловито очистив свою серую шубку от чужого запаха, побежала себе дальше. – Самостоятельные, – с улыбкой буркнул домовой. – Сколько ни корми, не больно-то и ласковы. Традиция у них — никому не верь, а то сожрут».

5.

Темно. Пыльно. Тихо. И тут домовой, сидевший как всегда на балке, услышал чей-то голос из угла:

- Эй, Миха! Ты тута?

Но тот даже не обернулся к «зерцалу», из которого, видно, шагнула на чердак большая черная кошка.

«А где ж мне ещё быть? Тута моя хата! И вовек не откликнусь на таковое величание! Я Михалап! Что означает — «миховые лапы». Моё имечко дадено мне моими предками. Изначально это — уважаемые домовые, Мистята и Лукия, мои батько и мамка. От них я взял буквицы «ми» да «л». Ещё «трохи» добавлено от прозвания дедушки Хорея и бабки Апраксии. Это буквицы — «ха» и «ап». Вот и выходит, что я — Михалап. Обкарнывать своё имечко, обижая род, я никому не дозволю! Сколь разов уж говорено!» – нахмурившись, сопел домовой в своём углу.

Он, конечно, чуял, кто к нему притащился. И знал, что за его спиной стоит не кто иной, как ведьма Евдокия, в этот раз появившаяся на чердак Акимовой хаты в обличье чёрной кошки. Да что там — в этот! Она почти всегда ею оборачивалась, ежели на ночной промысел выходила, за что и получила своё прозванье — Полуночница. Михалап уже забыл, как она выглядит на самом деле. По крайней мере, лет сто назад Евдокия была красивой бабой средних лет. А сейчас, мабуть, уж старуха. Хотя, кто их, этих ведьм, знает? Умеют себе годочки убавлять и красоту девичью приворовывать. Может сейчас она не старуха вовсе, а молодайка. Но не его «цэ дило».

- А, вот ты где спрятался! Чего не отзываешься? – остановилась перед ним Полуночница.

Ну, прям пантера! С такой не связывайся — раздерет враз. Но по льстивому тону, знать, что ей чего-то с него надо.

- А, это ты, Дунька! – буркнул домовой, сонно мигнув глазами-фонариками, включая их свет. – А я не прятался. Просто тута вот задумался о былом да бывалом. Не заметил тебя, махину такую, – криво усмехнулся он.

- Чего это я — Дунька? – выгнула та чёрную спину.

Аж искры посыпались — не загорелась бы крыша от таких «фейверков».

- А чего это я — Миха? – сердито буркнул домовой.

Таким, как Полуночница, токо свой страх покажи, вмиг клочья полетят.

- Ну, ладно уж — пусть ты Михалап, а я Полуночница. Квиты мы. Какой ты обидчивый, – миролюбиво промурлыкала та, усаживаясь на поперечную балку напротив.

Тут же рядом с ней возникли две румяные плюшки — плата за визит через его «зерцало». Но Михалап на них даже не взглянул, хотя и сглотнул потихоньку. Обычно ведь Полуночница не больно-то таксу блюла. Да и обиду никому не спускала — вмиг в горло «вчеплялася», если что не по ней. Знаем, видывали. А тут будто мёдом она смазанная. Он ведь её Дунькой назвал. Чего ей надо-то от него?

Но Михалап, пока фарт, предъявил ведьме претензии.

- А скажи-ка мне, на кой ляд ты к моей Ларке причепилася? – небрежно спросил он. – Чего уж к ней котору ночь шастаешь? А нынче ночью «шо було»? Чего она тут такой ор подняла, шо я чуть с чердака не сверзился. Насилу в себя пришёл, – усмехнулся он.

Ясное дело — не про него такие нежности. Спросил для порядка — «чтоб помене хозяювала тут». Не очень-то и жаль девчонку.

- Ты кушай, кушай мои плюшки, Михалапушка! – подвинула их поближе Полуночница. Домовой даже не глянул на них. – Я ж не просто так захаживаю сюда! Хочу тебе помочь бабку с

внучкой из Акимовой хаты выжить, – льстиво проговорила она. – Так что, ежели разобраться, это ты мне плюшек задолжал.

- Ещё чего! А я тебя просил о том! – буркнул Михолап.

«Чего-то ей, точно, от меня надо? – недоумевающе уставился он на ведьму. – Эта мышеловка и — хочет мне подмогнуть? Не может того быть – штобы она да без выгоды!»

Но хитрая баба в облике хищницы пауз не любила. Она продолжила свои странные льстивые речи.

- А ты, Михалапушка, против, что ль? Или решил их тут оставить? На кой ляд? – улыбаясь, продолжила она разводить политесы и даже используя его речевые обороты.

«Какое ей дело, што я решил? Вот диво-то! Не иначе как влюбилась! – ехидно хмыкнул домовой. И почти сплюнул: – Не было печали! Подале б таку ведьмовскую любовь».

- А хоть бы и оставил, – буркнул он. – Не твово ума дело!

- Шутишь? На что они тебе? Ты только моргни — и следа их тут не останется!

- Ишь, кака доброхотка выискалась! – криво усмехнулся домовой. – Ты ж за так и хвостом не махнешь.

Намекнув тем самым не на кошачий хвост, которым сейчас обвила себя эта пантера, а на тот, другой, который, как всем «звестно», имелся у «кажной» ведьмы. Ма-алюсенький такой.

- А тебе какое дело до моего хвоста? – ощетинилась Полуночница, но тут же, спохватившись, льстиво улыбнулась: – Проказник! Ты ж знаешь, Михалапушка, что хвост для кошки — это святое.

- Нашла святыню! – хмыкнул Михалап и спросил её напрямки: – Говори, чего тебе надо? Некогда мне с тобой лясы точить!

- Ага, я вижу, как сильно ты занят! Опять за старухой зыришь? Уж, извини, что отвлекаю тебя! – язвительно проговорила Полуночница. Но, спохватившись, сбавила тон: – Дело твоё – зырь. Но у меня к тебе, Михалапушка, разговор. Помощь твоя нужна!

- Моя-я? По-омощь? – удивился домовой, чуть не сверзившись с балки. – Шуткуешь, что ль?

- Нет! – блеснула та глазами. – Правду говорю!

- А за услугу чего? – тут же принялся он за торговлю. – Учти, плюшки — за «зерцало», за прочее — особлива плата.

- Не бойся, не обижу! – пообещала Полуночница.

- Ну, так «слухаю» тебя, – равнодушно пожал плечами Михала. – Только быстро. Некогда мне.

Про себя он ликовал: «Не худо заиметь в должники эдакую страхолюдину».

Хотя раньше домовой не любил связываться с людьми — в любых их обличиях, тем более — таких, но Явдоху, всё ж, лучше в друзьях иметь, чем в «ворогах». А в должниках — и того лучше.

- Сущая безделица и требуется от тебя, Михалапушка — надо Ларку мороком одолеть. У тебя это неплохо получается, – подольстилась она. – А дальше я сама с ней разберусь.

- На кой тебе мой морок? – насторожился домовой. – Свой же есть!

Хотел разобраться – не любил он, когда его в тёмную «пользуют». Тем более такие, как эта Явдоха. Потом «ить» вовек от позора не отмоешься. Объясняй потом всем — чего это он с чёрной ведьмой «стакнулся», не спросив, ничего.

Полуночница немного помялась, переступая лапами, но потом призналась:

- Кровь Ларкина мне нужна! Всё-то тебе скажи! – недовольно проговорила она. – Одна капля всего лишь.

- За каким лядом? – выпучил глаза домовой. – Ты чо, вампиршей заделалась?

Та заюлила, глаза в сторону отвела — точно, вампирша. Не, он в таких делах не участник!

- Какая я вампирша? – И увела разговор в сторону: – Ты знаешь, Михалапушка, как нам с твоими новыми жиличками повезло? – вкрадчиво проговорила Полуночница.

И, не удержавшись, облизнулась.

«Точно! Вампирша!» – ахнул домовой про себя.

Но та развеяла его подозрения:

- Эта девчонка — врождённая ведьма. Мне её дар нужен.

- Да иди ты! – вытаращил глаза домовой. – Ларка? Ведьма? Ну, допустим. И в чём тут моё везение? – с недоумением проговорил он. А потом спохватился, – Да какая Ларка ведьма! Ведьмы нас, домовых, за версту чуют! А эта меня вовсе не замечает!

- Это потому, что она не знает, что даром владеет. Ларка им никогда не пользовалась, от рождения. Вот в этом-то и есть везенье! – заявила кошка, снова облизнувшись.

- А мне что с того? – не понял Михалап. – Поясни, мне! Коль она не знает про своё ведовство, то мне вреда не причинит. И противиться не сможет, ежели я её с Полькой с хаты погоню.

- Да погоди ты гнать! – нервно махнула хвостом Полуночница. – Сначала мы у Ларки кровь возьмём, да я силу её заберу! А удача в том, что Ларкин дар никто, кроме меня не видит.

- То есть — твоя удача в том, что ты можешь этот дар взять? Везуха тебе! – прищурил глаза-фары домовой. – Так сама и забирай Ларкин дар! Мне не жалко! Только мне потом должной будешь, что на моей телиторьи хозяйнуешь! Точно, ватрушками не отделаешься, – обозначил он ситуацию. – И неча меня к своим делам не припутывать! Зачем тебе мой морок, ежели ты — ведьма со стажем, а она — овца несмышленая. Не пойму я! В чём заковыка-то?

Михалап теперь вообще не понимал, чего Явдохе «надоть» от него? Могла б и ране пробраться к Ларке. Тайком — как бывало ужо, он бы ничего не знал. А если б и знал, то смолчал бы — себе дороже права качать. Ну их, плюшки, борода, которую «ростил стоко времени», ценней. Вон какая она у него — лопатой по груди раскинулась. Да и про Ларкин дар он бы ни в жисть не догадался, ежели б Явдоха не сказала – «глыбоко», видать, запрятан. Сколь разов он маячил по «клети» позади неё, пока девка в книжки с невразумительными загогулинами заглядывала — ни разу ведь не всполошилась. Он и не догадывался, что она ведьма. Те и затылком домовых чуют. Слово поганое против них имеют, не к ночи будь помянуто…

- Да не смогла я к ней подобраться! Проверяла уже! — хлопнула себя по бокам хвостом Полуночница. – На ней защита родовая стоит! И, видать, сильная! Не даётся она мне! А мне всего-то каплю её крови заполучить надо, и всё будет в ажуре! – плотоядно сверкнула она клыками. – Поможешь мне своим мороком? Её он свалит – и не пикнет.

- Так сама и свали! С твоими-то… дарованиями, – покосился Михалап на её острые белые зубы. – На кой тебе мой морок?

- Да не действует мой на неё! Слыхал, как Ларка орала? Проснулась она! А обычно всё не так — я немочь на девку наведу, и всё в порядке! А эта — орёт. «Мама!» «Помогите»! – звонко передразнила она Лару, кривляясь. И добавила уже нормальным голосом: – На тебя одна надежда, Михалап!

- О, как! Немочь! Знать, не впервой тебе девичью кровушку пить! – равнодушно почесал кудлатую макушку Михалап.

- Это к делу не относится! – буркнула Полуночница. – Ты мне ответ дай!

- Не спорю! Не относится! – согласился домовой. – Ну, в другой раз её «цапанёшь». А я-то причём? Я «кровями» не балуюсь.

Почему-то ему не хотелось идти на Ларку с оборотнем Явдохой — душа не лежала. Ежели у домовых она есть.

- Так от тебя ничего и не требуется! Ты лишь морок напусти! Я отблагодарю!

Тот ехидно хмыкнул и отвернулся.

«Вот сказанула! – язвительно подумал Михалап. – Напусти! Та рази ж мой морок твому ровня? Ты — человек, хучь и с магией, а я та сама магия и есть. На что мне с тобой связываться? Одманешь ить!»

- Давай мы вместе Ларку скрутим! – не унималась Полуночница. – А я помогу Полинку из хаты попереть! Только помоги в этом дельце!

- Ну, не знаю! – засопел домовой.

- Я тебе буду очень благодарна, Михалапушка! – вскричала кошка. – Зуб даю! – И рядом с ней, осветив чердак, полыхнул разряд, похожий на электрический.

Михалап удивлённо вытаращил глаза, развернувшись к Явдохе.

«Как так? – потрясенно подумал он. – Да таку клятву ни один оборотень не сможет порушить. Через зуб он доступ даёт к своей силе! Чой-то она в эту Ларку вцепилась?»

- Отблагодаришь, значится? А чем? – не подав виду, лениво сказал Михалап. И спохватившись, добавил: – Но давай заране договор заключим — девчонку до смерти не доводить! Токо каплю кровей из ней и выпущать! Согласна?

Он всё ещё не верил Явдохе — но клятва его смутила. И всё ж ему не хотелось брать грех «смертоубивства» на душу. Хотя, кто знает, есть ли у домового душа?

- Пожалел, что ль, её? – недобро усмехнулась Полуночница. – Ишь, болельщик сыскался!

- Не пожалел! – заявил домовой. И, топнув ногой по полу чердака и подняв пыль, крикнул: – Ишо раз говорю: в Акимовой хате смертоубивства не допущу! Я Акиму перед смертушкой обещалси, што в его хате будет порядок! Не нужна мне тута упокойница без кровей! Не быть тому! – снова топнул он.

- Какое ещё смертоубийство? – завертела зелёными глазами Полуночница. – Чего ты всё выдумываешь, Михалапушка? Я ж тебе русским языком говорю: мне всего-то капля Ларкиной крови и нужна!

- Капля? Надоть подумать, – засопел Михалап.

Его мучило сомнение. Ну, «не могёт» Явдоха без подвоха быть, не такой это человек. Ну, или оборотень, ежели в суть глянуть…

И вдруг он спохватился:

– А старушенция Полинка кто? Тоже ведьма, выходит? А ежели их две, то и морочить обох надо. Тогда и цена…

- Не-не! Полинка — обычная бабка! – вскинулась Полуночница. – Она про дар внучки ничего не знает. Она мать отцу, а Ларкин дар по материнской линии идёт, – пояснила она. И тихо пробормотала: – Кто ж знал, что у неё дочка есть!

- А ну-ка! Скажи мне, откель ты про Ларкины линии ведаешь? – насторожился домовой.

- Догадалась я! – отрезала Полуночница. – Так что, Михалап? Согласен морок на Ларку напустить?

- Та мне-то это за каким лядом? – равнодушно протянул Михалап. – Тебе её дар нужен, ты и пущай!

Набивал себе цену. Да и не решил он ещё ничего. Клятва клятвой, а с Явдохой — держи ухо востро.

- За каким? С меня царский золотой! – вдруг заявила Полуночница.

Домовой удивлённо вытаращив глаза, вдруг полыхнувшие ярким огнём, едва не рухнул с балки.

- Да ну тебя! Золотой?

- Он самый!

И перед домовым лёг на балку настоящий золотой кругляш — царский рубль.

– Спрячешь его в свой сундучок, как ты любишь, – льстиво улыбнулась Полуночница. – Чем плохо? За безделицу! Всего лишь — за морок.

- Где взяла?! – не веря своим глазам, фальцетом воскликнул Михалап. И «цапанув» кругляш с балки, пока Полуночница его не забрала, стал его рассматривать, недоверчиво косясь на кошку.

- А тебе на что знать? – усмехнулась Полуночница. – Наследственный! Для важного дела берегла.

Она всё ещё надеялась, что золото сделает домового посговорчивей. И он не будет сильно против, когда в Акимовой хате вдруг появится покойница. Не ему ж хоронить. А домовой тем временем проверил золотой на зуб и, удостоверившись, что он не фальшивый, быстро спрятал царский рубль куда-то за спину.

- Ну, что? Согласен? Как, по рукам? – прищурясь, спросила его Полуночница, глядя с ехидцей.

- А то! – радостно отозвался домовой.

И протянул Полуночнице свою мохнатую лапу. Та хлопнула по ней своей, когтистой.

Сделка состоялась.

Теперь против студентки физмата Лары Саниной, не ведающей, что она владеет наследственным колдовским даром, объединились два очень опасных существа. А за ней, в защите, как всегда — никого. Даже Полина Степановна, её бабуля, была обычным человеком, которого ни оборотень, ни домовой даже в расчёт не брали. Что она могла представить против нечисти? В которую она, к тому же, не верила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.